

В Казахском государственном академическом театре для детей и юношества имени Габита Мусрепова прошли премьерные спектакли по драме Серика Асылбекова “Желтоқсан желі”, посвященные 20-летию декабрьских событий.

Казахское слово “желтоқсан” не нуждается в переводе. И не потому, что всем понятно его значение - “декабрь”. “Желтоқсан” (с прописной буквы) уже два десятилетия не только казахское - но всеказахстанское слово. Слово - символ борьбы казахского народа за свое национальное достоинство и независимость родимой земли, ставшей любимой Родиной для миллионов граждан многих национальностей.

Эпический декабрь

За смыслом же слова “желі” мне, не владеющему, как ни жаль, казахским языком, пришлось обратиться к казахско-русскому словарю.

Читаю: «жел» — «ветер». Так. Значит, название пьесы можно трактовать как «Декабрьский ветер». Или «Ветер декабря». Смысл ясен: «холодный, отрезвляющий ветер перемен, принесший радикальные, коренные преобразования». Образ, памятный со времен «исторической перестройки» тов. М. С. Горбачева.

Листаю словарь: "жेलі" - "линия". Понятно: "линия декабря". Или так: "новая линия исторического пути Казахстана, проложенная декабрем 1986 года". Значительно. Но отдает отжившей фразеологией: "линия партии".

Вот оно! "Стержень декабря"! Возвышенно и поэтично. Встают образы молодых патриотов, не сломленных дубинками и саперными лопатками все-союзного спецназа.

Есть у слова "желі" и иные смыслы:
"сеть" ... "веревка" ...

Эта многозначность раскрывается в спектакле и прицельно-крупными общими планами, и документально точными, бьющими наотмашь деталями. На простреливаемой прожекторами

сцене и в проходах в зрительном зале над митингующей молодежью свертывается бессудная несправда (режиссер-постановщик - засл. деятель РК Мурат Ахманов, художник-постановщик - Алтынай Жусипали). Молодежь Желтоксана, опутанная сетью хладнокровно-циничного политического расчета, подозрительно неизвестно кем сплетенной, оказалась намертво повязанной, как агнец, жертвенными веревками. Теперь ее душа с небес разыскует.

Спектакль открывается Гимном СССР, славящим Союз республик. Союз, навеки сплоченный железным занавесом внешних границ. Колочей проволокой и металлическими щитами рубежей внутренних. И межличностными барьерами страха. Все республики обладали полным правом совершенно свободно жить по указке Москвы.

Народу, пришедшему жизнерадостным стадом - через лагерные нары под "оранжевым небом и оранжевым солнцем" ядерных испытаний, - к развиту социализму, так хотелось верить, что наконец-то "сквозь грозы" засияло ему настоящее "солнце свободы". И он послушно двинулся за молодым коммунистическим вождем.

который, по-ставропольски фриктивно гкая, так многообещающе вещал о тоталитаризме "с человеческим лицом".

Но казахстанцы, дружно идя общим со страной маршем, неожиданно споткнулись об очередного ульяновско-ленинского варяга, выскочившего к ним из кремлевской колбы. (На задник сцены проецируется большой портрет тов. Г. В. Колбина, сменяющий портрет тов. Д. А. Кунаева.)

Приди на место Кунаева, снятого с поста № 1 одним московским целлюлозным, какой-нибудь бейлимет-майлинский жолдас-бастык Мыркымбай - битый-тертый казахский народ, наверное бы, только посмеялся над ним про себя. Всезнающий и всепознающий, умудренный историй народ. Но не удавая, максималистски-романтическая молодежь, которой еще только предстояло познать-испытать на себе свою собственную правду и правоту. И новую правду нового времени.

Перед спектаклем милая девушка Мадина, кассир театра, сказала мне: "Я до этой пьесы ничего не знала про Желтоксан. Меня тогда еще на свете не было. Но люди говорят, было очень страшно". Мадина, люди правду гово-
рят.

В спектакле студентка Акмарал (арт. Айгуль Иманбаева), беременная от своего парня Кайсара (арт. Нурлан Алимжанов), остается обреченной на горькое одиночество после того, как спецназовцы хватают ее любимого и уводят на расправу из дома карасакала Баймырзы (арт. Кадыргазы Куандыков), где молодые люди спрятались от бойни на бушующей улице. Сегодня ребенку Акмарал было бы 20 лет.

Нурлан Алимжанов по-батырски
скупо играет своего героя, понавшего
в капкан. Но ни жестом, ни взглядом не
выражает своих чувств к Акмарал. Или
он их больше и не испытывает? Бед-
ную девушку становится жалко вдвой-
не.

...Вспоминаю, как в ярко-солнечный полдень 16 декабря 1986 года (Пленум ЦК Компартии Казахстана, как стало мне позже известно, уже состоялся) я пришел в Алма-Атинский зооветинститут к одной ученой биологине взять интервью о повадках зайцев-кроликов. Без всякого политического подтекста.

геста. Просто зодиакальный знак безропотного зверя "освящал" предстоящий 1987 год. В комнату вошел, потирая ладони, некий преподаватель. "Потекло", - буркнул он. "Вовсю весна?" - спрашиваю весело. "Какая весна! Кунаева сняли..." Студентки поперли на площадь... - зыркнул он и, потирая ладони, исчез. "Доцент", - шепнула биология.

Никогда не забывал я этого доцента, хотя лик стерся. И вот встретил спустя 20 лет. Подвыпивший кандидат наук из

зооветинститута Тимур Калдыбаевич (арт. Сакен Рақышев, лауреат премии молодежи Казахстана) ввалился в дом Баймырзы. С партбилетом в наружном кармане пиджака (всегда наготове). С поллитровкой в правом внутреннем кармане (заначкой!). И с удостоверением агента КГБ - "слева, где сердце" (на всякий пожарный!).

Перед его приходом Баймурза "вырубил", сплюнул, радио: дикторский бас зачитывал призыв титулованной интеллигенции к "хулиганствующей молодежи" рассосаться по домам. Не ведал "простодурный" караскал, что текст призыва был составлен в отделе пропаганды и агитации ЦК Компартии Казахстана, а подписи впечатали, не спросив у именитых "подписантов"?

Доктор громкогласно поет, явно фальшивя, песню о стране, "где так вольно дышит человек", вальсируя со своею пенни с кокетливою соседкой Баумрайз, Марией Петровной (засл. арт. РК Лидия Чадлуни). "Простая как песня", тетка поначалу ни во что не "врубается", пока доктор не завопит: "Будь моя власть!.. Я бл... Сгною их в тюрьме! Всех эти! Экстремистов! Националистов!" Вмиг прозревшая Мария Петровна плещет ему в лицо "блюдомок!" (под восторженными аплодисменты зала). Кайсар выступает с декламацией в потасовку и выдвигает за парня. Вот тут и срабатывают "корочки" Кайсарова, по наводке которого ищейки "Б" хватают парня.

Драматург Серик Асылбаков и актер Сакен Ракишев создали впечатляюще-отталкивающий типовой образ национал-нигилиста, чье сознание зомбировано имперскими клише. Тимур калдыбаевич — верные сторожевые псы, в общем-то, любой идеологии и системы. Дали бы «корочки» — карман в душе найдется.

В символически-торжественном финале спектакля сплоченная молодежь Желтоксана во весь голос поет гимн во славу свободы и независимости Казахстана. В глубине сценического пространства высвечивается монумент в память жертв декабрьских событий. В окружении немои цепи спешащих, зорко и твердо стоящих на страже святых идеалов Декабря 1986 года.

...Вспоминая спектакль, слышшь
Ленгерского танец № 2 Брамса и Деся-
тый вальс Шопена. Сменяя друг друга,
они непрерывно звучали в зрительном
зале театра перед открытием занаве-
са (муз. оформитель Торгын Рахымба-
ев). В контраст ли с предстоящей
радостью? Или как напоминание об
августе 1991 года? Когда столь же без-
различно ублаживал слух населения
телевизионный плекс "Лебединого
озера".

Сергей КОВАЛЬ

